

СКАЗАНИЕ О ДВУХ МЕЧЕТЯХ АХМАДИЙЯ: РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ЛОНДОНЕ. *Резюме*

Марция Бальцани

Этническая принадлежность многих жителей Великобритании включает религиозные и транснациональные элементы и потому бросает вызов ностальгическим представлениям о гомогенном христианском обществе. Самоидентификация такого рода подразумевает понимание способов, с помощью которых межэтнические отношения складываются, в том числе, из повседневных пространственных взаимовлияний и взаимодействий в городской среде. Более того, городские пространства представляют собой также результат развития и соперничества дискурсов и практик разных этнических и религиозных общин, и результат взаимодействия их всех с бюрократией, разрешающей споры и выносящей решения по поводу городской застройки.

Некоторые из этих взаимодействий отчетливо демонстрирует процесс подачи прошений о планах постройки ахмадийской мусульманской общиной мечети Байтуль-Футух, возведенной на месте заброшенного промышленного объекта в Мёртоне – юго-западном пригороде Лондона. Тот факт, что члены общины ахмади полностью оплатили модернизацию этого городского объекта, не помешал возникновению бурной дискуссии, развернувшейся по поводу строительства мечети. Изучение значения этого здания для мусульман-ахмади, других мусульман и для лиц иного вероисповедания, наряду с изменениями местной среды, которые были вызваны строительством мечети, помогает понять, каким образом язык «благоустройства» в регламенте городского планирования вбирает в себя повседневные формы исламофобии и расизма. Кроме того, это исследование показывает, как местные проблемы, возникшие на почве международной миграции и внутриконфессиональных конфликтов (между суннитами и членами ахмадийской общины), впервые проявившиеся еще в пакистанском историко-политическом контексте, воспроизводятся теперь в Лондоне. Оно также позволяет понять взаимодействие между общинами, особенности экономического возрождения района и участия мусульман-ахмади в развитии общины и в политике.

Некоторые члены ахмадийской общины – высокообразованные профессионалы, но многие, в том числе вновь прибывшие из Индостана и Германии, принадлежат к менее благополучной группе жителей Мёртона: найти работу и жилье им

так же трудно, как и всем остальным новым иммигрантам и представителям меньшинств повсюду в Европе. Эти сравнительно недавние иммигранты старались поселиться поближе к мечети, что привело к ощутимым изменениям в составе местного населения. Имея в виду все эти особенности, необходимо отметить, что ахмадийская община представляет собой сложный конгломерат мусульман-уроженцев Британии и недавних переселенцев, владеющих в разной степени английским или немецким языками, профессионалов, принадлежащих к среднему классу, и мечтающего подняться по социальной лестнице, но пока менее зажиточного, чем более успешные соотечественники, большинства. Впрочем, будучи мусульманами в Великобритании, все они представляют собой меньшинство, а многие еще и внешне опознаются окружающими как выходцы из Южной Азии.

СКАЗАНИЕ О ДВУХ МЕЧЕТЯХ

Мечеть Байтуль-Футух, открывшаяся в 2003 году, может похвастаться и гимнастическим залом, и книжным магазином, и библиотекой, и телестудией, и гомеопатической клиникой, и звукоизолированными яслями. Но наиболее важна не архитектурная выразительность и функциональность здания, а исторический континуум и дискурс, в рамках которого надлежит трактовать появление мечети. Если бы городской совет предместья Вандсворт не отказался дать разрешение на расширение так называемой Лондонской мечети, также принадлежащей ахмадийской общине, в близлежащем Саутфилдсе, потребности в мёртонской мечети могло и не возникнуть.

Истории этих двух мечетей, Лондонской в Вандсворте и Байтуль-Футух в прилегающем Мёртоне, разительно отличаются, демонстрируя тем самым серьезные изменения, имевшие место с тех пор, как Лондон превратился в «столицу мира». В свое время Лондонская мечеть, открывшаяся в 1926 году, находилась вовсе не в центре густо населенного спального района, как обстоит дело сейчас. Индия была британской колонией, мусульман в городе было значительно меньше, чем сегодня, и большинство из них молились в частных молельнях.

Обе мечети, одна из которых была *первой* специально построенной лондонской мечетью, а другая – *крупнейшей* европейской, являются для местного немусульманского населения образцами мусульманской религиозной архитектуры. Однако книги, посвященные британским мечетям, и мусульманские интернет-ресурсы обходят ахмадийские мечети молчанием. Происходит это потому, что большинство мусульман считают представителей ахмадийской общины еретиками, и их исключение из *уммы* (араб. «община, нация») имеет непосредственное отношение к нынешней дискуссии. История этого исключения «встраивает» лондонские мечети в местную и национальную политику. Само же оно объясняется межнациональными причинами – политическим положением мусульман-ахмади в Пакистане. Итак, ахмадийские мечети можно считать сетью взаимосвязанных объектов. Именно к этому вопросу я собираюсь теперь обратиться, чтобы показать, как именно религиозные и политические конфликты, возникшие в колониальной Индии и продолжившиеся в постколониальном Пакистане, наряду с об-

щим подъемом исламского фундаментализма, повлияли на местные практики мусульманских и немусульманских групп населения. Начнем с краткого обзора истории возникновения ахмадийской общины.

ИСТОКИ МУСУЛЬМАН-АХМАДИ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Гулам Ахмад, родившийся в колониальной Индии, объявил себя новым исламским пророком и «обетованным Мессией». Как считают его последователи, Гулам Ахмад создал не новую веру, а обновил и реформировал традиционный ислам, однако противники считают Ахмада лжепророком. Распри по поводу статуса ахмадийского движения в колониальной Индии возобновились благодаря пакистанским политикам, которые в 1974 году объявили приверженцев этого течения немусульманами. В 1984 году вышедший в Пакистане Указ №20 под страхом уголовного наказания запретил представителям ахмадийского движения называть себя мусульманами, а свои молельни – мечетями. С 1984 года ахмадийский халиф пребывает в изгнании в Лондонской мечети.

Когда в 2003 году Икбаль Сакрани, занимавший в то время пост генерального секретаря Совета мусульман Великобритании (Muslim Council of Britain, МСВ), заявил, что представители этой общины – не мусульмане, а их молельни – не мечети, он транслировал прежде всего позицию пакистанского правительства и стремился представить дело так, словно речь идет об открытии молельного дома местной диаспоры – то есть о событии, имеющем межрелигиозный и транснациональный характер. Поскольку Сакрани был главой МСВ, его слова казались общепринятым мнением. Вообще политическое вмешательство Сакрани началось гораздо раньше, когда будучи координатором мусульманских протестов против публикации «Сатанинских стихов» Салмана Рушди, он «перенес» в Британию политику основанной Абулом Ала Маудиди пакистанской суннитской партии «Джамаат-и-Ислами». Эта партия проводила кампании против приверженцев Ахмадийского учения, завершившиеся кровопролитными восстаниями в Пакистане в 1953 году. Пример Сакрани наглядно демонстрирует механизмы (причем не выходящие за пределы законности), позволяющие перенести давние конфликты из отдаленных мест в современную Великобританию, воспользоваться доступом к власти для достижения собственных целей. Сакрани продолжает занимать важное в Лондоне положение: он – член правления и бывший председатель управляющего комитета Балэмской мечети (Balham Mosque) и Тутингского исламского центра (Tooting Islamic Centre), находящихся рядом с двумя ахмадийскими мечетями, о которых идет речь в данной статье.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Мечети представляют собой одновременно и религиозные, и общинные центры, формирующие как состав местного населения, так и городской ландшафт. Демонстрация мусульманами-суннитами антиахмадийских настроений в юго-западной части Лондона в определенной мере связана с успехом первых в постройке мече-

ти и с вызванным этим обстоятельством притоком членов ахмадийской общины в прилегающий к мечети район. Конфликты, корни которых уходят в политико-религиозную историю Индостана, разыгрываются ныне на юго-западе Лондона, в повседневной жизни суннитов и приверженцев ахмадийского движения. Как стало очевидно во время государственной предвыборной кампании 2010 года в Тутинге (Вандсворт), пакистанская политика способна оказывать непосредственное влияние на мусульманское население Великобритании, а потому – и на выборы в британское правительство. В марте 2010 года Тутингский исламский центр пригласил докладчика из лондонского отделения «Хатме Набувват» (Khatme Nabuwaat) – организации, ставящей своей целью искоренение ахмадийского ислама, связанной с преследованием его в Пакистане и входящей в список организаций-партнеров Совета мусульман Великобритании¹.

Доклад в Тутингском исламском центре закончился распространением антиахмадийских листовок, призывающих мусульман к бойкоту общины в целом и к прекращению коммерческого сотрудничества с ней в частности. Политики также оказались замешанными в антиахмадийских событиях. Местные исламские лидеры наставляли верующих не голосовать за кандидата от либерально-демократической партии, поскольку он из ахмадийской общины. В апреле кандидата от консервативной партии ошибочно приняли за последователя ахмадийского движения и ради его же собственной безопасности заперли в одной из комнат Тутингского исламского центра, где собралась толпа демонстрантов, протестующих против ахмади. Была вызвана полиция. Речь, произнесенная докладчиком из Хатме Набувват в Тутингском исламском центре, была проанализирована на предмет выявления улик для предъявления обвинения в разжигании расовой и религиозной розни. Было решено, что, хотя докладчик вплотную приблизился к призывам к насилию, они все же не прозвучали в его речи открыто – по крайней мере, настолько, чтобы привлечь его к ответственности согласно Акту о разжигании расовой и религиозной розни 2006 года (The Racial and Religious Hatred Act). В 2010 году также состоялись первые прения в Вестминстерском зале по вопросу об ахмади. В том же году в Пакистане было совершено нападение на две ахмадийские мечети и убито более 90 представителей ахмадийского движения. После этого нападения член британского парламента от округа Баттерси заявила о явном нарастании гонений на ахмади, особенно в юго-западной части Лондона.

ЖЕРТВЫ ТЕРРОРА? ТОЛЬКО НЕ У НАС!

Пока строительство мечети находилось еще на стадии планирования, отклик местного населения самого Мёртона выражался в числе прочего в форме писем в местный городской совет. Жители призывали отказаться от планируемого строительства, которое, по их мнению, отрицательно скажется на атмосфере в районе. Некоторые обыватели опасались роста исламского экстремизма и упоминали плакаты и демонстрации против постройки мечети.

¹ См. официальный сайт Совета мусульман Великобритании (<http://www.mcb.org.uk/>).

Одним из неожиданных последствий антиахмадийской кампании стало то, что действиями экстремистски настроенного мусульманского меньшинства воспользовались немусульмане, желавшие предотвратить расширение мечети в Саутфилдсе. Ссылаясь на эскалацию насилия, здешние местные жители выставляли ахмадийские мечети не как сам источник насилия, а как магнит, притягивающий его со стороны. Иными словами, как потенциальным жертвам насилия ахмади не следует разрешать расширять свою мечеть. Организаторы этого сопротивления (по сравнению со многими другими, похожими, на первый взгляд, протестами против строительства мечети) оказались более осведомленными о том, что представляют собой местные и международные исламские фракции. Это противодействие было организовано преимущественно немусульманским населением – профессионалами среднего класса, проживающими вблизи саутфилдской мечети. Один из местных жителей создал архив своего рода координационного совета по борьбе с расширением мечети, он тщательно сохранял протоколы собраний, письма и другие документы.

На протяжении 1990-х годов ходатайства о расширении Лондонской мечети отвергались. Проблема отчасти заключалась в том, что со времени постройки в 1920-х годах и до времени подачи прошений о расширении в 1990-х годах окружающая территория превратилась в жилую зону. Районный градостроительный план стремился охранять эту зону от нежилого строительства, которое увеличило бы уровень шума, количество машин на дорогах и т.д. Поэтому местный градостроительный совет аргументировал отказ в выдаче разрешения на строительство соображениями, связанными с благоустройством района. Другой причиной для отказа было то, что халиф – духовный лидер ахмади – перебазировался на юго-запад Лондона только в 1984 году, и не было твердой уверенности в том, что его пребывание здесь продлится столь долго, что расширение существующей мечети действительно понадобится. Совет также выражал опасения по поводу того, что мечеть будет предназначена уже не только для местного населения, но и привлечет паломников со всего мира, что она станет заниматься вопросами, связанными с международной организацией всего движения. Ахмади в свою очередь настаивали, что из соображений безопасности халиф как глава ахмадийской общины должен жить непосредственно рядом с мечетью. Именно этой-то ситуацией и воспользовались местные жители. Основным их аргументом было то, что жилая зона, в которой располагается мечеть, «плохо подходит для мировой штаб-квартиры международного движения». Эта организованная оппозиция расширению Лондонской мечети в 1990-х годах примечательна как раз тем, что демонстрирует, насколько хорошо местные жители были осведомлены о положении мусульман-ахмади, включая угрозы в адрес ахмадийского халифа, каковыми немусульмане и воспользовались для предотвращения нежелательного строительства.

В 2013 году члены общины подали новое прошение о строительстве, которое на сей раз было с некоторыми оговорками одобрено. Местных жителей это никак не устраивало. В данном случае похоже, что Вандсвортский городской совет воспользовался упорными попытками ахмади расширить мечеть и не менее упорным противодействием со стороны их соседей, чтобы добиться некоего

компромисса, позволившего в конечном счете совету внести изменения в план развития района. Вандсвортский муниципалитет был осведомлен, что с десятков принадлежащих членам ахмадийской общины домов рядом с мечетью использовались под офисы и гостиницы. Местное население жаловалось на нецелевое использование этих помещений под крупные общежития, на шум, свет и запахи, которые причиняют неудобство. Впрочем, здания использовались таким образом уже много лет, и городской совет никак не мог заставить хозяев использовать их иначе. Однако как только мечеть получила разрешение на перестройку, муниципалитет потребовал, чтобы члены общины, владеющие окрестными домами, начали использовать их исключительно по прямому назначению – как жилые дома. Таким способом совет удовлетворил обе стороны: ахмади получили возможность расширить мечеть, а все остальные жители – гарантию возвращения соседских домов к целевому использованию, что обещало благотворно повлиять на ситуацию в районе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многолетний опыт подачи ходатайств о расширении Лондонской мечети и противостояния этим попыткам вовлекли ахмади и местное население во взаимодействие, модулируемое Вандсвортским муниципалитетом. В этой ситуации обыватели ссылались на возможное насилие, чтобы предотвратить планируемое строительство, тогда как члены общины использовали тот же аргумент, чтобы добиться безопасности. Лондонская мечеть наглядно продемонстрировала, что диаспорная молельня представляет собой «экстравертированное пространство», связанное с другими религиозными объектами сложной паутиной отношений, значение которых со временем меняется. В случае с Лондонской мечетью это означало превращение живописного «ориентального» здания колониальных времен в еще одну мечеть среди многих других, каждая из которых, по мнению некоторых представителей местного населения, потенциально могла стать объектом насилия. Эти обыватели не желали уживаться с расширением мечети едва ли не у себя во дворе, однако вскоре им пришлось смириться с подобным развитием событий – так обстояло дело в Мёртоне, где в 2003 году открылась мечеть Байтуль-Футух. Строительство этой новой мечети – постиндустриального строительного проекта XXI века, возведенного при поддержке Мёртонского городского совета с целью возродить давно заброшенное место, – тоже не обошлось без протестов со стороны местных жителей. Протесты были сфокусированы на роли ислама в местном сообществе и особенностях положения конкретной мусульманской общины, возводящей мечеть. Во избежание обвинений в исламофобии подобные дискурсы оперировали преимущественно терминами городского благоустройства.

Однако место расположения Байтуль-Футух – на одной из главных дорог, с доступом к общественному транспорту и прилегающей парковкой – разительно отличается от места, где находится Лондонская мечеть, построенная еще тогда, когда автомобили были привилегией немногих, а окружающая территория еще не была жилой зоной. Если говорить о доступе к общественному транспорту, то надо

признать, что Лондонская мечеть располагается в гораздо менее удобном месте, чем Байтуль-Футух, и подавляющее большинство жителей в ее окрестностях не являются ни членами ахмадийской общины, ни даже просто мусульманами.

Осознавая обеспокоенность общества распространением ислама буквально «под боком» и в частности местными событиями, руководство мечети Байтуль-Футух основало посредническую комиссию, призванную объединить неахмадийское местное население, представителей местных организаций, полицейских, членов городского совета и духовных лидеров. На этих собраниях обсуждались планируемые мечетью события, а местные жители в свою очередь делились с представителями ахмадийской общины своими заботами, рассказывали о том, что их беспокоит в связи с жизнью, складывающейся вокруг мечети, и это гарантировало мечети некоторый адекватный уровень «приятия» ее деятельности местными жителями. Подобные инициативы демонстрируют желание ахмадийской общины преодолеть трудности в вопросах веры, этнической и классовой принадлежности и пойти на уступки окружающим с целью обеспечения добрососедских взаимоотношений с местным сообществом. Следует отметить также, что собственность в окрестностях мечети Байтуль-Футух стоит дешевле, чем аналогичное жилье в районе Лондонской мечети, и это привлекает сюда членов общины и, соответственно, влечет за собой исход белого населения нижнего среднего класса из района.

Тем не менее, подобное развитие лондонской пригородной городской среды происходит не только в этом районе, оно связано и с историей отношений Великобритании и колониальной Индии, и с историей, сравнительно недавней, но протекавшей в тысячах миль от Лондона (речь о пакистанском периоде конфликта ахмадийского движения с другими мусульманами). Значение этих событий для современной повестки дня не оставляет местным властям выбора в вопросе о необходимости изучения этнических, религиозных и политических вопросов, выходящих далеко за пределы их непосредственной юрисдикции. То, что все участники взаимодействия на местах стратегически используют эти знания для достижения своих целей, – неизбежно. То, что власти осознают этот факт и пользуются этим для достижения нужного результата и посредничества между спорщиками – как разными фракциями мусульман, так и немусульманами, выступающими против мусульман, – свидетельствует об уровне экспертизы отдельных лиц и групп лиц в этом интернациональном городе и их умении применять свою осведомленность по назначению.

*Перевод с английского Елены Леменёвой,
научный редактор перевода – Олеся Кирчик*